

DOI: 10.30842/ielcp230690152432

И. В. Лемешкин
(Институт литовского языка, Вильнюс)

(RE)КОНСТРУКЦИИ VS ЧТЕНИЕ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРУССКОГО ТЕКСТА

С момента своего обнаружения в 1974 г. базельский текст приобрел репутацию древнейшего, написанного на балтийском языке. Тогда же были предприняты первые попытки его прочтения, результаты которых в настоящее время вызывают серьезные сомнения. В статье затрагивается методология прочтения микротекстов, акцентируется необходимость неинвазивного анализа оригинала. Обосновывается новая интерпретация текста как фольклорного произведения, исполнение которого приурочено ко дню Поклонения Волхвов (Трех Королей) и которое можно определить как колядку.

Ключевые слова: Базельский кодекс, колофон, древнепруссский язык, неинвазивное чтение, колядка.

Ilja Lemeškin
(Institute of the Lithuanian Language, Vilnius)

(Re)construction vs. reading of an ancient Prussian text

Since the moment the Codex Basilensis was discovered in 1974, it has gained a reputation for being the most ancient artifact containing a text in a Baltic language. At that time, first attempts to its reading were made, that lately have been giving rise to serious doubts. The article brings forward the question of approaches to reading of micro-texts and emphasizes that a non-invasive analysis of the original source is essential. The author suggests a new interpretation, according to which the micro-text could be a folklore creation that identifies with the Christmas carol We Three Kings.

Keywords: Codex Basilensis, Old Prussian language, non-invasive reading, Christmas carol.

«Базельский колофон» (Lemeškin 2017: 95–96; 2019: 165) или же «Базельский след» (*Dini Traccia di Basilea* – Dini 2004; *Trace of Basel* – Dini 2014; Ardoino 2012a-b, 2013, 2016, 2018), ранее известный как «Базельская эпитафия» (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975; Schmalstieg 1976; Purkart 1983; Kortlandt 1998a-c, 2018; Vammesberger 1998; Schaecken 2003 и др.), назван так по месту своего хранения: Öffentliche Bibliothek der Universität Basel.

основной текст (А) которого на листе 63r завершает эксплицит (В) и колофон (С). Колофон дополняет миниатюра: стоящий молодой человек со склоненной головой держит баннер с немецким возгласом *ihs ich leid* (D); по обе стороны миниатюры вписан текст на древнепрусском (Е) языке. Стратиграфию листа 63r далее обогащают более поздние текстовые вкрапления: регистр (F) и глосса (G), помещенная на нижнем поле рукописи.

Структуру листа 63r схематично можно изобразить следующим образом (илл. 1):

A	(конец основного текста)		
B	<i>EXPLICIUNT QUESTIONES METHEORORUM</i>		
C	<i>Anno domini millesimo c^oc^oc^o sexagesimo nono finite sunt questiones meteororum per manus illius qui scripsit eas et c in vigilia epiphanie per manus illius qui scripsit eas Omnibus omnia non mea sompna dicere possum amen</i>		
D	<i>ihs ich leid</i>	М И Н И А Т Ю Р а	
E	<i>Kayle rekylfe · Eg · koyte · poyte ·</i>		<i>thoneaw labonache thewelyfe · nykoyte · pēnega doyte ·</i>
F	(<i>Registrum</i>)		
G	(глосса)		

Первое осторожное прочтение древнебалтийского текста в 1974–1975 гг. предложил У. Шмалстиг (Schmalstieg 1974; McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975). Интерпретацию американского исследователя с незначительными вариативными уточнениями позднее поддержали В. Мажюлис (Mažiulis 1975), В. Шмид (Schmid 1982), Ф. Кортландт (Kortlandt 1998a-c) и др. Со временем предложенное им чтение стало традиционным и даже было возведено в догму, хотя не находило опоры в содержании рукописи и опиралось на целый ряд догадок и произвольных допущений:

1) будто персифляж («эпиграмму») написал иронизирующий молодой человек (студент);

2) будто юмористическое и иронизирующее высказывание, реагирующее на латинский гекзаметр (находящийся в колофоне), было произнесено вслух и было адресовано другому прусу во время пьянки;

3) будто подражание гекзаметру предопределило склонность к каламбуру и жаргону;

4) будто прусом произнесенное изречение с ошибками записал «немецкий коллега» (пьяница?) (подробнее: Lemeškin 2019: 168).

Большие сомнения вызывает само понятие «чтение» применительно к проведенным лингвистическим интерпретациям. Дело в том, что «процессу извлечения значений и смысла» предшествовала стадия, когда исследователи при помощи многочисленных конъектур вольно *подготавливали*, подобающим образом «форматировали» якобы читаемый текст. На самом деле ранее предложенные попытки интерпретации, по нашему убеждению, нельзя считать «чтением» в настоящем смысле этого слова. Перед нами не проникновение в смысл текста, а скорее его спекулятивная графическая и формально-семантическая (ре)конструкция. Мету **конструирования** показывает перечень «исправлений», в свое время предложенных, например, В. Мажюлисом (Mažiulis 1975).

Оригинал	Согласно В. Мажюлису, надо править на:
<i>Kayle</i>	adj. nom. sg. <i>Kayls</i> или <i>Kayles</i> ‘здоровый’
<i>rekyfe</i>	subst. nom. sg. <i>rekys</i> ‘господин’
<i>thoneaw</i>	pron. 2 sg. <i>thu</i> ‘ты’ + adv. <i>ne-aw</i> ‘уже не’
<i>labonache</i>	adj. nom. sg. <i>labanats</i> ‘добрый’
<i>thewelyfe</i>	subst. nom. sg. <i>thewelys</i> ‘дядечка’
<i>Eg</i>	–
<i>koyte</i>	praes. 2 sg. <i>koy-tu</i> ‘хочешь ты’ (encl. pron. <i>tu</i> ‘ты’)
<i>poyte</i>	inf. <i>pot</i> ‘пить’
<i>nykoyte</i>	<i>nykoy-tu</i> см. <i>koyte</i>
<i>pēnega</i>	subst. acc. sg. <i>penigas</i> ‘деньгу’
<i>doyte</i>	inf. <i>dot</i> ‘дать’

Для того, чтобы лучше осознать степень графической интервенции буквально во все части текста, мы выделим жирным шрифтом и подчеркнем внесенную исследователями правку:

Kayle rekyfe · tho-neaw labonache thewelyfe ·
Eg · koy-te · poyte · nykoy-te · pēnega doyte ·

Ситуация, когда форму оригинала сохраняет лишь одно единственное слово (союз *Eg* ‘если’), нам кажется совершенно

абсурдной, ибо таким образом текст не столько читается, сколько искусственно создается заново. При помощи многочисленных и самых *разных* (sic!) конъектур (их количество и разношерстный характер поразителен на фоне небольшого по объему текста) была искусственно (вос)создана фривольная семантика связанная с пьянством:

«Привет, сударь! Ты не хороший товарищ,
Если хочешь пить, а денег давать не хочешь».

(перевод В. Н. Топорова)

В нашем чтении (Lemeškin 2013; 2019: 176–203) мы руководствуемся иным принципом: если рассматриваемый текст не содержит явных графических ошибок переписчика (а таковые никем до сих пор не выявлены), необходимо сохранять рукописное чтение, стремясь дать толкование оригинала, а не его исправление. Данная установка привела к качественно иной интерпретации:

<i>Kayle rekyfe</i> ·	<i>thoneaw labonache</i>	<i>thewelyfe</i> ·
interj. * <i>kailei(s) rīkīs</i>	antropon. voc.	nom. (voc.) sg.
‘Дай Бог здоровья’	‘Тони (из рода) Боначи’	‘дяденька!’

<i>Eg</i> ·	<i>koyte</i> ·	<i>poyte</i> ·
conj.	praes. 3 sg., pl.	imperat. 2 pl.
‘Если’	‘хочет / хотят’	‘поите / пейте’

<i>nykoyte</i> ·	<i>pēnega</i>	<i>doyte</i> ·
praes. 3 sg., pl.	gen. sg.	imperat. 2 pl.
с негацией		
‘не хочет / не хотят’	‘денежки’	‘дайте’

«Дай Бог здоровья (тебе)! Тони Боначи, дяденька!
Если хотят (хочет) – поите,
Не хотят (хочет) – деньгу дайте».

или

«Будь здоров! Тони Боначи, дяденька!
Если хотят (хочет) – пейте (вместе),
Не хотят (хочет) – деньгу дайте».

Отдельные словоформы интерпретируются следующим образом:

Kayle rekyse

Interj. *kaile-rīkīs < *kailei rīkīs < *kailei[s] rīkīs

Составное этикетное выражение, состоящее из императива презенса *kail-ei-s ‘[ты] будь здоров, сильный; сделай здоровым, сильным’ и ном. sg. *rīkīs ‘Бог, Господин’ (в функции вокатива) с парагогическим -e (Dini 2014: 554; Kortlandt 1998a). Ср.: пр. *Deiwa engraudīs*, лит. *Skalsink Dieve, Padėk Dieve*, лат. *Dievs svētī, Palīdzī Dievs*, нем. *Grüß Gott*, чеш. *Pozdrav pánbůh, Zdar Bůh* (ср. рус. *спасибо* из *сънаси богъ)... У императива *kail-ei-s (инфинитив деноминативного глагола *kail-ētvei ‘быть здоровым, сильным; делать здоровым, сильным’, ср. adj. балт. *kaita- ‘горячий, теплый’ → verb. прус. *kaitētvei* ‘делать горячим, разжигать’ (см. PEŽ I: 268); ср.: ст.-сл. цѣлѣти ‘лечить, исцелять, оздоровить’, imperat. цѣлѣи, цѣлѣите; рус. *исцелять, целить*, укр. *цілити*, бел. *целіць*, серб. *цијелити*, слов. *celiti*, чеш. *celeti*, пол. *celić* и т.д.), принимая во внимание вторичное происхождение прусского окончания -s (Endzelīns 1982: 129), возможно ожидать краткую форму *kail-ei, которая соответствует лит. диал. *rāšai*, др.-лит. *pamišakai* (Катехизис 1605 г.), *iščlausai* (Мажвидас), *atadārai* (Даукша). Редукция окончания могла произойти из-за контракции, обычной в этикетных обращениях (ср.: *labdien* < *laba diena*, *labryt* < *labas rytas* и т. д.).

thoneaw

«*thoneaw* is quite obscure to me. Can it be a voc. sg. of a nominal u-stem, perhaps a proper name?» (цитата Х. Станга по: Dini 2000: 201); «Stang (personal communication) thinks that *thoneaw* might be a proper name. If so, then the couplet may be about the scribe himself, e.g. “To your health, sir! Anthony is a fine fellow...”» (McCluskey, Schmalstieg, Zeps 1975: 162).

Ср. *Antonio* > *Tonio* /'tonjo/ в корпусе *Corpus OVI dell'Italiano antico*:

1 Cronaca sen. (1202–1362), c. 1362 123.6

schale e introro per una finestra e rupeno due uscia per volere amazare Mino e Tonio e 'l Porina figliuoli di miser Meio Talomei. E quando chostoro sentiro el busso del

2 Doc. imol., 1350–1367 Debitori 16.1.1360 355.11

per 2 cirioli da le lode, pexò l. 1½: s. 9 a f. 124 r. Tonio Tartagno di' avere per 468 fasadelli de legne de salexe, a s. 40 .C.: monta

3 Doc. imol., 1383–1385 Spese 21.11.1384 345.2

per fare pontelare la stazone ch'è cho gle fradi de Penitenzia che la tene Tonio da le Sele per trave e per una cholona e per murare Gostolo in somo

4 Doc. imol., 1383–1385 Spese 21.11.1384 345.5

una cholona e per murare Gostolo in somo L. VIII e chosi pa el dito Tonio a maistri tohomene per la mitade L. III, s. X.

Таким образом, окончание *-eaw* следует соотносить с формой вокатива от *Tonio*.

labonache

Словоформа содержит другой итальянский антропоним – распространенную (вплоть до наших дней) в Тоскане фамилию *Bonacci* /bo'nat:ʃi/, которая в XIII–XIV вв. писалась с диграфом <ch> (Larson 1988).

См. *Corpus OVI dell'Italiano antico*:

Doc. sen., 1277–1282 – pag. 280, riga 30

a ssere Ristoro del Seta per factura d' una charta di mille libre da Gulielmo Bonachi. Ancho III lib. et XIII sol. et III den. nel dì ai signori de la

Начальный компонент *la-* напоминает определенный артикль женского рода. Кажется, что пишущий воспользовался широко распространенными антропонимами, которые он услышал на месте, однако не сумел правильно использовать артикль: вместо *debonachi* (*de'* [dei < di + i] *Bonacci* «из [рода] Боначи»; ср. порчу антропонима: *Guglielmo dei Bonacci* > *Leonardus fi* [т. е. *filius*] *Bonacci* > *Leonardo Fibonacci*) написал *labonache*.

Потенциально возможно и другое объяснение. Происхождение фамилии *Bonachi* (производного от *Bono*, *Bonito*, *Ottobono*, *Otobono*, *Giambono*...) было всем очевидным: *bon-* < *bonus*. Загадочную словоформу можно объяснить как следствие изобретательной семантической дубликации корня: *labonache* = *la(b)-bon-ache* ‘добр-Вон-асси, добрый Добрило’ (ср.: прус. *labs* ‘добрый’, лит. *lābas* ‘то же’, лтш. *labs* ‘то же’), которая другому прусу поясняла семантику говорящего итальянского антропонима.

thewelyfe

Деминутив ном. sg. **tēvelis* ‘дяденька’ (в функции вокатива) с суффиксом *-el-* от прус. **tēv-is* (ср. *thewis* Е 176 ‘дядя со стороны отца’) с парагогическим *-e*.

Eg

Союз /i:g/ ‘если’, ср. лит. *jėi-gu* ‘если же’.

koyte

Praes. 3 sg., pl. ‘хочет / хотят’. Ср. *quoitē* ‘(он) хочет’ III 57₁₉; *quoitē* ‘(они) хотят’ III 99₅, *quoitā* ‘то же’ III 51₁₆.

poyte

Verb. caus. imperat. ‘делать так, чтобы кто-то пил’; ср. ст.-сл. поити ‘поить’, imperat. пои, поите ‘пои, поите’, рус. *поить-нуть*, пол. *poić-pić* и т. д. Или 2 imperat. pl. ‘пейте’ (ср. *īdeiti* III 75₄, *idaiti* III 87₁₇, *ydieyti* II 13₈, *edeitte* I 13₈ – см.: PEŽ I 51).

nykoyte

См. выше *koyte*; с отрицанием.

pēnega

Gen. sg. partitivus **pennega[s]* ‘денежки’.

doyte

Imperat. 2 pl. Ср.: пр. *dāiti* ‘дайте’ III 91₂, III 93₆, III 107₁₀, III 111₁₇, III 113₂, *daiti* ‘дайте’ III 91₈, III 95₁₄, III 117₁₅, III 119₇, III 121₁₄.

Идентифицируемый текст находит многочисленные типологические параллели в календарном фольклоре, в балтославянских святочных обрядах. Колядки-просьбы начинаются с этикетного приветствия (междометия) и уважительного (часто «величального») обращения к «доброму» хозяину-дарителю: *Labas vakaras, kalēda, / Mūs ponas randorius, kalēda, / Mūs ponas randorius, kalēda, / Šitų namų gaspadorius, [kalēda]...*; *Здорову буў, пан хазяін...*; *Хозяюшка, наш батюшка, / Подари гостей колядовщиков...* и т. д. На синтаксическом уровне просьба о подаянии часто приобретает разделительное значение, когда колядующий проситель, колеблясь, указывает несколько вариантов коляды: *Dejte voříšek nebo jablíčko...*; *Либо пива коречок, либо денег пятак...*; *Коляда, Коляда, / Ты подай пирога, / Или хлеба ломтину, / Или денег полтину...*; *Не пора ли да вам, хазяін, дарить-жаловать? / Не рублем-ти вам, хазяін, не полтиною, / Хоть одною золотою, сударь, гривною, / Хоть по рюмочке винца да по стаканчику тивца* и т. д. Примечательно, что в устах взрослого (не детского) колядующего часто противопоставляются две альтернативы: подаяние в виде денег или выпивка.

Загадочное, с точки зрения балтистики, словосочетание *thoneaw labonache* целесообразно рассматривать как факультативный элемент, использование которого зависело от конкретной ситуации. Форма имен собственных говорит в пользу

того, что фраза появилась в Италии и была записана с использованием местной графической системы, чуждой прусскому языку: диграф <ch> в слове *bonache* = *Bonacci* /bo'nat:ʃi/ для обозначения аффрикаты. Без факультативной персонализации потенциального адресата фольклорное произведение за счет внутренних и конечных рифм звучало ритмизировано и гармонично:

- a) Kayle rekyf [e] · thewelyf [e]
- b) Eg · koyte · poyte ·
- c) nykoyte · pēnega doyte ·

Избранный способ чтения прусского текста (ненасильственный по отношению к оригиналу) подкрепляется формулировкой колофона, в котором писавший посчитал необходимым подчеркнуть, что свой список Н. Орема он создал «в канун Богоявления», когда обычно колядовали. Словосочетание *in vigilia epiphanie* он перенес в начало колофона, а формулировку *per manus illius qui scripsit eas etc.* перечеркнул и вписал позднее. Таким образом, данные колофона подтверждают интерпретацию древнебалтийского текста как колядки, в отличие от понимания в ключе *Trinksprüche*, которое не находит в рукописи опоры.

Итальянские антропонимы, идентифицируемые в составе древнепрусского текста, позволяют уточнить культурно-исторический контекст и конкретные обстоятельства (причины) появления рассматриваемого колофона.

Базельский список Н. Орема, датируемый 05(06).01.1369, традиционно соотносят с академической средой Пражского университета¹. Об этом говорит особая группа списков *Questiones Super Quattuor Libros Methororum* (McCluskey 1974: 83; Schaeken 2006: 339–340) и документальные сведения о том, что сочинение Н. Орема здесь было действительно востребованным. В 1366 г., т. е. незадолго до появления базельского списка, соответствующие оремовские «Вопросы» в Пражском университете составил Иоанн Крихпаум из Ингольштадта (Šmahel 2016: 233). Пик интереса к сочинению Н. Орема пришелся как раз на 1368 г., когда деканом Философского факультета Праж-

¹ Колофон второго по очереди источника (1376 г.) в том же самом Базельском кодексе указывает на Прагу: *Expliciunt questiones libri de generatione Reuerendi / magistri Johannis biridani p petrū frū. pge scpte / Anno domini. 76 Cycli aurei numeri. 9. sol.[is] 13. kalendas Julij* (f. 86v).

ского университета был избран Фридман из Праги, до этого получивший образование в Парижском университете у Альберта Саксонского (ученика Ж. Буридана) (подробнее: Lemeškin 2019: 131). Университетские квестии тех лет должны были быть хорошо известны и прусским студентам Пражского университета, напр., Яну из Квидзына (*Johannes Marienwerder, Jan z Kwidzyna*), получившему степень магистра в 1369 г. Пражскую принадлежность списка подтверждает также кодекс с сигнатурой Ms. L. 29, хранящийся в Архиве Пражского кремля (*Archiv Pražského hradu*, фонд: *Knihovna Metropolitní kapituly*). Кодекс, содержащий работы Ж. Буридана, написан на бумаге со схожим водяным знаком (Lemeškin 2019: 131–132).

Вышеперечисленные обстоятельства важны при установлении места, которое предопределило появление списка, однако не менее весомым нам представляется и иной аспект. *Liber decanorum Facultatis Philosophicae Universitatis Pragensis* свидетельствует о невиданном приросте прусских студентов начиная с 1371 г.: *Nicolaus de Hollant Prutenus* (1371), *Nicolaus de Pruscia* (1373), *Nicolaus Prutenus* (1374), *Stephanus de Pruscia* (1373), *Andreas de Pruscia* (1375), *Henricus de Pruscia* (1376), *Paulus de Pruscia* (1377), *Paulus Prutenus de Vischusen* (1380), *Bartholomaeus de Pruscia* (1381)... К той же самой неожиданной волне студентов-балтов принадлежит выше упомянутый Ян из Квидзына, который свое обучение в Праге должен был начать в 1365 г. В начале восьмого десятилетия мы сталкиваемся и с другим феноменом – права мещан в Старом городе Пражском вдруг получают сразу три пруса: *Petrus prutenus de noua ciuitate; magister Johannes medicus de prussia; Nicolaus prutenus dictus leo de lubaw* (первого по очереди пруса возможно отождествлять с *presbyter nomine petrus dictus Pruss*, который связан с пражскими событиями 1390 г. – Lemeškin 2019: 135–136). Уместен вопрос, что привело прусских студентов в столь большом количестве в Прагу именно в 70–80 гг. XIV в. и откуда появилась не менее экзотическая группа пражских мещан прусов?

Приход в Прагу выходцев из балтийских земель должны были предопределить исторические события второй половины XIV в. После неудачной попытки захвата власти в 1365 г. из Литвы бежал Бутаутас, старший сын Кейстута. После крещения в Кенигсберге литовский великий князь / «король» Генрих (*kvnig von littouwe; Heinrich herzog von Litthauen; Lituaniae dux; rex Lethu[w]orum*) появился при пражском дворе Карла IV, жена

которого, Елизавета Померанская, приходилась Бутаутасу-Генриху двоюродной племянницей. Король Чехии и император Священной Римской империи предоставил ему владения, соответствующие высокому титулу политэмигранта. Сам литовский князь, судя по сохранившимся документам, на долгие годы нашел прибежище при королевском дворе.

До официального принятия христианства в 1387 г. в Литве не было образованных людей, ориентирующихся в реалиях Западной Европы, поэтому возможно легко допустить, что ближайшее окружение князя Бутаутаса состояло из прусов. Будучи человеком весьма состоятельным (в списках свидетелей Бутаутас выступает, как правило, вторым по очереди «герцогом»), сын Кейстута должен был содержать соответствующий его положению двор и личную свиту, достаточно многочисленную для бытовых, увеселительных и репрезентативных целей. Люди, служившие литовскому князю, сопровождали его и в поездках. В связи с локализацией базельского колофона в пространстве и во времени есть смысл обратить внимание на места, которые посетил Бутаутас, а значит и люди из его окружения, в конце 1368 – начале 1369 г.

Документально известно, что князь Бутаутас сопровождал Карла IV и Елизавету Померанскую во время «второй поездки» в Рим (*Römerzug, Herrschereinzüge, Triumphzüge*; ср. чеш. *jízda*). Продолжительное итальянское турне началось в апреле 1368 и продлилось до сентября 1369 г. Литовский князь («герцог») упоминается в документах, завизированных в Модене (13.08.1368), Риме (04.11.1368) и Лукке (06.06.1368, 06.06.1368, 23.09.1368, 06.02.1369, 28.02.1369, 17.03.1369, 08.04.1369, 27.05.1369, 06.06.1369, 10.06.1369, 17.06.1369, 29.06.1369, 05.07.1369). С 23.12.1368 по 23.01.1369 королевский двор пребывал в Сиене.

Таким образом, пражский двор (1365–1380) князя Бутаутаса и триумфальное римское шествие 1368–1369 гг. позволяют объяснить мнимое противоречие между пражским происхождением списка Н. Орема и итальянскими антропонимами, присутствующими в колофоне Базельского кодекса. Оказавшись по воле судьбы (после 1365 г.) в Праге, литовский князь окружил себя образованными «соплеменниками», т. е. грамотными прусами (христианами), способными подобающим образом служить недавно крещенному неопиту в столице Чешского королевства и Священной Римской империи. Некоторые служилые люди имели академические интересы, как, например, Ян Квид-

зын. В 1368 г. один из них взялся за копирование в то время актуальных (особенно в Праге) университетских «Вопросов». Закончить свой труд он смог уже в Италии, в Сиене или в Лукке², где оказался по долгу службы, сопровождая герцога Бутаутаса-Генриха в составе многочисленной свиты³. Симптоматично, что после возвращения Бутаутаса в Прагу количество прусских школяров «неожиданно» и резко возрастает (до десяти и более человек); после смерти князя те же прусы, вынужденные заботиться о себе самостоятельно, перебираются из Малого в Старый город, где приобретают права мещанского состояния.

На южный ареал появления колофона рукописи указывают также его особые жанровые характеристики. В рукописях XIII–XIV вв. засвидетельствована особая разновидность колофона (книжного паратекста), который в своем составе содержит устойчивую *мотивирующую* формулировку – *Omnibus omnia non tua somnia dicere possum*. Гекзаметр, «произнесенный» и понимаемый читателем дословно, мотивировал появление текстов на тайном, непонятном, неизвестном или даже вымышленном языке (подробнее: Lemeškin 2019: 155–162). Такой нечитабельный текст, адресованный «не всем», отражал *somnium* – некую сокровенную мечту, о которой понятным языком (латынью), пишущий высказаться не решался. В роли непонятной для образованной читательской аудитории «абракадабры» в колофоне использованы немецкий и прусский языки. Иначе говоря, базельский колофон не мог появиться ни на немецкой территории, ни в области, населенной балтами, так как тогда в качестве тайнописи использовались бы совсем иные языки. Закончив в Тоскане свой труд, писавший завершает рукопись игривым колофоном (*Explicit expliceat, Ludere scriptor eat*), который использует набор непонятных для романоязычного региона языковых средств.

² Город Лукка, в то время находившийся во владении Люксембургов, стал опорным пунктом римского турне. Королевский двор здесь пребывал: 05.09.1368–15.09.1368, 22.09.1368–02.10.1368, 02.02.1369–12.07.1369. Часть сопровождающего персонала могла здесь находиться и в то время, когда королевская пара вместе со своими приближенными пребывали в Сиене.

³ По меркам того времени (*Philippe de Mézières*) совсем «бедный рыцарь» должен был располагать 5 конями и 4 слугами. Литовского князя, вероятно, сопровождал двор, состоящий из нескольких десятков, а возможно и сотен слуг и компаньонов.

Миниатюра, немецкий возглас *ih̄s ich leid* и прусская колядка отражают мысли писца об обрядовых играх. Настроившись на традиционное колядование (у себя дома и в Праге), юный прус в Италии оказался лишен и обрядовых песен, и источника многочисленных «даров». Колофон изысканным образом отражает «сон» пишущего, который оказался в неблагоприятной среде для осуществления (ежегодного) своей «мечты». Таким образом прус в канун праздника Трех королей сообщает (узкому кругу образованных соплеменников): вот чем мне бы очень хотелось, но не суждено завтра заняться / вот так бы я завтра при нормальных обстоятельствах обратился к (щедрому) Антонио.

Литература

- Ardoino Diego 2012a: On the current location of the Old Prussian Trace of Basel. *Baltistica* 47(2), 349–358.
- Ardoino Diego 2012b: La Traccia di Basilea nel suo contesto tedesco-latino: aspetti codicologico, paleografico e filologico. *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI*, 19–33.
- Ardoino Diego 2013: Per una datazione della Traccia di Basilea in prussiano antico. *Res Balticae* 12, 5–24.
- Ardoino Diego 2016: Interpreting and translating Old Prussian micro-texts: the Trace of Basel. *Vertimo Studijos* 9, 7–20.
- Ardoino Diego 2018: Bazelio pēdsakas tarpdisciplininių tyrimų fone: rašyenos ekspertizė. *Baltistica* 53(2), 245–261.
- Bammesberger Alfred 1998: Anmerkungen zum Baseler Epigramm. *Baltistik: Aufgaben und Methoden*. Heidelberg: C. Winter, 121–126.
- Dini Pietro Umberto 2000: Sul ‘Frammento di Basilea’ e altri inediti nel carteggio fra Chr. Stang e W. R. Schmalstieg. *Res Balticae* 6, 195–209.
- Dini Pietro Umberto 2004: Nota terminologica: come chiamare la scritta in prussiano antico di Basilea? *Res Balticae* 10, 243–246.
- Dini Pietro Umberto 2014: *Foundations of Baltic Languages*. Vilnius: Eugrimas.
- Endzelīns Jānis 1982: *Darbu izlase* 4. Rīga: Zinātne.
- Kortlandt Frederik 1998a: Paragoric -e in Old Prussian Epigram. *Baltistica* 33(1), 39–40.
- Kortlandt Frederik 1998b: Two Old Prussian Fragments. *Baltistik: Aufgaben und Methoden*. Heidelberg: C. Winter, 115–119.
- Kortlandt Frederik 1998c: Who is who in the Old Prussian Epigram. *Baltistik: Aufgaben und Methoden*. Heidelberg: C. Winter, 127–128.
- Kortlandt Frederik 2018: A note on Old Prussian epigram. *Baltistica* 53(2), 327–329.
- Larson Pär 1988: Italiano <ch>, <gh>: lingua germana in aure romana? – *Studi linguistici italiani*, 38–49.

- Lemeškin Ilja 2013: Bazelio ketureilis / dveilis – dovanų prašymo pavyzdys. *Acta Linguistica Lithuanica* 69, 11–29.
- Lemeškin Ilja 2017: Bazelio kolofonas: tarp Prahos ir Sienos? – *Incontri baltistici in Pisa. Studi e saggi (Studia baltica pisana 2)*. Novi Ligure: Joker Edizioni, 95–110.
- Lemeškin Ilja 2019: *Lithuanica aliter*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
- McCluskey Stephen C. 1974: *Nicole Oresme on light, color, and the rainbow*. Madison: University of Wisconsin.
- McCluskey Stephen C., Schmalstieg William R., Zeps Valdis J. 1975: The Basel epigram: A new minor text in Old Prussian. *General Linguistics* 15, 159–165.
- PEŽ I–IV: Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas 1–4*. Vilnius: Mokslas, 1988–1997.
- Purkart Josef 1983: The Old Prussian Basel epigram: an interpretation. *General Linguistics* 23, 29–36.
- Schaeken J. 2006: Observations on the Old Prussian Basel Epigram. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 44–45, 331–342.
- Schmalstieg William R. 1976: *Studies in Old Prussian: A Critical Review of the relevant Literature in the Field since 1945?* University Park and London: The Pennsylvania State University Press.
- Schmid W. P. 1982: Jesus, ich leid, *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft* 50, 205–208.
- Šmahel František 2016: *Alma mater Pragensis. Studie k počátkům Univerzity Karlovy*. Univerzita Karlova v Praze: Nakladatelství Karolinum.